

ДЕЛО

В основе каждой публикации этой рубрики — конкретное уголовное дело из Центрального архива КГБ-ФСБ.

Рубрику ведет журналист, писатель **БОРИС СОПЕЛЬНЯК**

Все началось с обычной актерской пиарушки. Вышли по роману Чаа — и давай травить политические анекдоты. Потом кто-то, как водится, плеснет еще, пустит нетрезвую слезу, обвинит ближайшего друга и заявит хорошо поставленным голосом, что Ленин и Троцкий — титаны, а все остальные — гитлеры, правда, среди них есть такие замечательные люди, как Зиновьев, Каменев и Бухарин. «А Сталин?» — заинтересуется ближайший друг: — «Что Сталин, его во время революции никто и знать-то не знал!»

А уже утром стелет об этом рассказ будет лежать на столе начальника Управления НКВД по Московской области воскового Реденца и в бедовой голове сына сапожника родится план бесшумной чистки агитивных коношен столичных театров.

Акт I.

У нас бы Тельмана расстреляли

Так появилось следственное дело № 12690 по обвинению в антисоветской агитации среди артистов Театра имени Ермоловой Георгия Юлиановича Баумштейна (Багрового) и Евгения Амедео-Ивановича Бонфельда (Кравинского).

В постановлении об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения говорится: «Баумштейн Г. Ю. достаточно изобличается в том, что он, являясь антисоветски настроенным, систематически ведет среди окружающих его лиц агитацию контрреволюционную, троцкистскую, антицарскую, направленную против мероприятий партии и правительства, и распространяет провокационные слухи. Мерой пресечения избирать содержание под стражей».

Что касается Бонфельда, то ему предъявлены еще более серьезные обвинения: «В среде своих слушателей высказывал views террористические настроения в отношении вождей и руководителей партии и советского».

На первом же допросе Баумштейн признал, что в разговорах с слушателями воспользовался Мухомовым и Гитлером, говорил, что они талантливые руководители, выдающиеся личности и сильные люди.

Следствие располагает данными, что вы беседовали об этом с артистами нашего театра Николаем Лосевым и Верой Леоненко. Подтверждает Баумштейн.

— Да — скажи Баумштейн.

— А какие контрреволюционные разговоры вы вели с Бонфельдом и Гудрумом?

— Никаких... Хотя припоминаю, что однажды в не присутствии Троцкого находились самый популярный артист, Разумовский, наряду с Леоненко.

— А что вы говорили в связи с освобождением и приездом в СССР болгарского коммуниста Димитрова, Попова и Танаева?

— Я заявил... Я сказал, что Германия с этим делом пригласила. У нас за такие дела, как подруга рейста, не то что бы не выступили, а давно бы расстреляли.

Потом следователь велел за Бонфельдом. Доказать, что он заглавлял террористической акт против руководителей партии и правительства, не удалось, зато следователь смог вынуть признание в том, что распространял идеями германского фашизма

ИГРА НА ВЫЖИВЛЕНИЕ

**ГРАНДИОЗНАЯ
«ЧИСТКА»
В ТЕАТРЕ
ИМЕНИ
ЕРМОЛОВОЙ
ЕДВА
НЕ ЗАВЕРШИЛАСЬ
ЕГО ЗАКРЫТИЕМ**

Акт III.

Не шпионка, а подруга

К разговору у Унковского Шулейко готовился загодя: что ни говори, он не какой-нибудь безродный актершишка, а внук известного всей России адмирала, командира воспитанного Гончаровым фрегата «Паллада».

Когда Михаила Унковского звали в кабинет, Шулейко даже приспал: настолько поразило его этот красивый и гордый человек. Для профмэры следователь спросил, признает ли себя Унковский виновным в контрреволюционной деятельности, и, получив отрицательный ответ, зачитал показания арестованных коллег, а заодно и тех, кто происходил в качестве свидетелей. Коллеги, разумеется, подтвердили, что и советскую власть он не любит, и роли советских героев играть отказывается, и Гитлером восхищается, не говоря о том, что пьет, на квартире устраивает оргии, молодых актрис склоняет к сожительству, а свою жену использует для продолжения по карьерной лестнице.

Прочитав показания «свидетелей» и хорошенько «подумав» под аккомпанемент барабанной дроби кулаков чекистов, непоколебимый до этого Унковский поведал, что он-де и сторонник фашизма, и одобряет террор, и ненавидит Сталина. В ответ на вопрос, что разделяет его взгляды, назвал Чернышевца, Лоева и Зверта.

Вскоре следственные дела Лоева, Малашева, Унковского, Демич-Демидовича, Чернышева, Зверта и Урусовой были завершены и направлены на рассмотрение Особого совещания. Вот только с Верой Радунской вышла промашка. Ее арестовали по подозрению в шпионаже «в пользу одного иностранного государства», но свести концы с концами никак не удалось. В результате плодотворных умозаключений следователей выходило, что Радунская не шпионка, а всего лишь... любовница бывшего подруга нескольких иностранных дипломатов. Когда на одном из допросов ее попросили назвать имена мужчин, с которыми она находилась в интимных отношениях, список получился таким остротным, что, посмотрев на советскую Мещанину обжеглись следователи из соседних кабинетов. Сейчас уже трудно установить, где здесь правда, а где ложь, но факт, что Радунская признавала себя шпионкой решительно не жалела. И тогда Особое совещание осудило ее как «социально опасный элемент» и приговорило к пяти годам исправительно-трудовых работ.

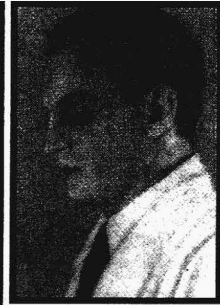
Что касается ее коллег по театру, то всем дали по восемь лет, кроме Урусовой, которая удостоилась десяти.

Эпилог

По большому счету, Театр имени Ермоловой на долгие годы лишился ведущих актеры в лагерь и лучших спектакли с репертуара сняты, публика обходит прожорливое место стороной. Но художественный руководитель театра Николай Хмелев понимал, что театр надо сохранить любой ценой: он искал новые пьесы, искал талантливых актеров, репетировал день и ночь. И театр выстоял.

Между тем, войдя во вкус «творческой» работы, следователь Шулейко так увлекся, что ослепленных судьбой молочков ему показалось мало, и он затеял куда более грандиозный проект: заткнуть театральную дыру, репертуар день и ночь. И театр выстоял.

Неизвестные ермоловцы об этом не знали и знать не могли: они отбывали свои сроки в самых дальних лагерях. А когда в 1955-м пришло время массовых реабилитаций, оказалось, что Малашева, Унковский и Лоева этого дня не дожидались — они умерли в лагере и на пересылках. Оставшиеся в живых вернулись к любимой работе, а Евдокия Георгиевна Урусова долгие годы была на сцене своего родного театра.

Евдокия Урусова всю жизнь блистала на сцене Ермоловского театра, за исключением 15 лет ГУЛАГа, а вот Николай Макшеев из сталинских лагерей на сцену уже не вернулся

и с пониманием относился к аресту вождя немецких коммунистов Эрнста Тельмана.

— Тельман — враг немецкого фашизма, — заявил Бонфельд. — А враг есть враг, если он не сдается, его уничтожают. По крайней мере, так поступают в Советском Союзе. Так что фашисты поступили с Тельманом очень мудро, у нас бы его расстреляли.

Потом были допросы свидетелей, которые, конечно же, все подтвердили. Вскоре дело было передано на рассмотрение печально известного Особого совещания, которое вынесло беспримечательной малой по тем временам приговор: три года ссылки в одну из областей Казахстана. В театр обремененно возмущенно сылка — это не лагерь, к тому же и Баумштейн, и Бонфельд разрешили работать по специальности.

Акт II.

Есть групповое дело!

1937 год для начальника 6-го отделения 4-го отдела УГБ УНКВД Московской области лейтенанта Шулейко прошёл досадно беспорядочно — им одного расстреляли и им одного групповое дело. А отличиться хотелось: натыкая же всю жизнь ходить в лейтенант!

И тогда Шулейко нырнул в архив и наткнулся на дело Баумштейна. В его показаниях упоминаются актеры Ермоловского театра Лоева, Гудруме и Вера Леоненко. Шулейко запросил

анкеты упомянутых актеров и пришел в неописуемый восторг. Лоева! Это же именно то, что надо! Сын крупного фабриканта и домовладельца, выпускник Коммерческой академии и Московского университета, поручик царской армии, несколько лет провёл в германской плену, мог бы служить в Красной Армии, но, опасаясь наездоров, отказался.

Так появилось дело № 6330 по обвинению Лоева Николая Константиновича, который «является одним из активных участников контрреволюционной фашистско-террористической группы, действовавшей в Театре имени Ермоловой». Арестовали Лоева 30 апреля 1938 года. В тот же день — первый допрос, на котором актер виновным себя ни в чем не признал и заявил, что никакой фашистско-террористической группы в театре нет.

Второй допрос состоялся 8 мая. Судя по ароческой подложке под протоколом и диалог признаний, с актером основательно поработали запелеченые дел мастера.

— Я признаю, что с первых же дней утверждения советской власти чуждым утверждениям враждебно относился и политика партии и правительства, а также к руководству ВКП(б) и государства. Это сблизило меня с группой контрреволюционных элементов из числа артистов театра. Признаю, что у руководителей партии и правительства отказывался озлобленно, с ненавистью и применением различных оскорбительных выражений. Я выражал надежды на

реставрацию в СССР капиталистических порядков и восхвалял фашистского вождя Гитлера.

— С кем вы вели такого рода беседы? — С одним из самых активных участников нашей группы Унковским и его женой Урусовой.

Наклевываясь «групповое дело», и лейтенанта повелось. В течение нескольких дней он арестовывает артистов Унковского, Малашева, Зверта, Демич-Демидовича, Чернышева, Радунскую и Урусову. Дальше, как говорится, дело техники: все оговаривали всех, и в итоге складывалось впечатление, что в театре действительно существует тесно спаянная антисоветская группа. Скажем, Борис Зверт заявил, что Николай Чернышев в своей ненависти к советской власти дошел до того, что «выразил одобрение тем террористическим актам, которые организовывались и осуществлялись троцкистами, зиновьевцами и изменниками других названий».

В свою очередь, Чернышева довели до такого состояния, что он пошел еще дальше.

— Были среди нас и такие элементы, которые прямо заявляли, что при первой возможности сами совершили бы убийство кого-либо из наиболее ненавистных им руководителей партии и правительства, а именно Сталина, Кагановича, Ворошилова и Ежова.

— Кто именно делал эти заявления? — Унковский и Демич-Демидович.